

Розожин В.П.

ФИА
ФАК

Записки
скверного
мальчишки

Валерий Петрович Рогожин Филфак-1. Записки скверного мальчишки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394578

ISBN 9785449090737

Аннотация

Книга представляет собой сборник художественных воспоминаний о студентах семидесятых годов прошлого столетия и просто о том замечательном времени, времени, когда автор и его друзья учились, выросли, влюбились, просто жили. Все истории написаны по действительно происшедшим фактам, все события происходили в жизни. Фамилии, указанные в тексте, изменены.

Содержание

«Всего и было, что взглянуть в лицо...»	5
Про любовь	8
1. Все объясняющее предисловие	9
2. Предисловие – монолог, позаимствованный из разговора	12
3. Любовь и кое-что остальное	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Филфак-1
Записки скверного
мальчишки

Валерий Петрович Рогожин

© Валерий Петрович Рогожин, 2019

ISBN 978-5-4490-9073-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается нашей юности, безалаберной и веселой, нашей молодости, энергичной и влюбленной, и тому времени, неповторимому и прекрасному...

«Всего и было, что взглянуть в лицо...»

Всего и было, что взглянуть в лицо,
Взглянуть открыто, прямо, без утайки,
Чтоб искорок серебряные стайки
В глазах создали полное кольцо...
Всего и было, что увидеть глубь
В зрачках друг друга, чтоб не ошибиться,
Чтоб удержаться, чтобы не разбиться,
Успеть вдохнуть, коль перехватит грудь...
Всего и надо, что понять тоску,
Забывость, одиночество вселенной
И холод от забывости, наверно...
И трепет от готовности к броску!

Чтоб разглядеть за несколько минут
В глазах любовь и слов невыносимость,

Не внешний блеск и внешнюю красоту,
А чувства, что внутри в душе живут...
А уж потом слова, поступков грусть,
И радость встреч, и тягость расставаний,
Желаний явь, и мифы расстояний,
Полет при встрече и ошибок груз.
И серых будней пыль, и суета,
И разговоры, и обид оковы,
И холод слез, тоска, забытость снова,
И келья одиночества со льда!

Про любовь

(Набор предисловий с отступлениями и пояснениями)

1. Все объясняющее предисловие

Это первое предисловие, все объясняющее. Пытающееся объяснить, что это за книга, для чего она и почему. Или по крайней мере объяснить хоть что-то...

Желания всё, чем мы жили доверять бумаге, изначально не было, и только после появления на ТВ сериала «Восьмидесятые» захотелось записать. В сериале были отмечены очень интересные задумки и тут же все стоящие замыслы были с треском провалены. Авторы сериала пытались изобразить одним полотном нашу молодость, нашу любовь, то как мы входили в эту жизнь, становились взрослыми. Причем все изобразить на узнаваемом фоне восьмидесятых со всеми теми процессами, которые протекали вокруг.

Но получилось не похоже. Как говорил Константин Сергеевич: «Не верю!» Если вначале на экране было много общего с настоящими восьмидесятыми и даже семидесятыми, то с каждой серией сходство пропадало. И мне захотелось нарисовать то, чем и как мы жили, какими мы были так, как я это вижу.

Вот тогда я представил себе «Мистерию XX века» Глазунова. С одной стороны это картина, на которой изображены подробности закончившегося двадцатого столетия, с другой – это набор сумбурных зарисовок о том, что происходило, что случалось в том столетии. Можно рассматривать

полотно как эдакую, пусть и несколько упрощенную, иллюстрированную энциклопедию событий в заданный промежуток времени. Но все же, и это главное, это художественная картина, это цельное законченное произведение с единством замысла и претворения.

Человеческая жизнь меньше, короче, чем столетие. Границы уже, события мельче, но их, этих событий, больше, для каждого индивидуума в частности они важнее. Не хочу равнять результаты, просто пытаюсь провести некоторую аналогию.

В двадцатом столетии было две мировые войны с миллионами жертв, а локальных войн вообще неимоверное количество. В моей жизни войн вроде бы не было, но в меня стреляли один раз одиночным выстрелом в армии на посту при охране дров, когда-то в семидесятые, и несколько очередей выпустили автоматчики, сидевшие в гостинице «МИР». Это в девяносто третьем. И кажется все. Это напрямую в меня, насколько я знаю и помню. Косвенно в меня стреляли всегда, когда гибли мои друзья. Это когда погиб в Карелии от бандитской пули Лешка Фатьянов, когда упал от подлого ножа Серега Костин, когда расстреляли Женечку Боярского и других в том же девяносто третьем у того же Белого Дома.

Вот обо всем этом, ну, и еще о многом ином, я собирался, вернее собираюсь выпустить книгу. Выпустить одну-две редакции книги.

Надеюсь, что далекие от совершенства строки вынудят ко-

го-то внести коррективы, исправления и ремарки, а затем, возможно, и дополнить содержание опусов. И, даст Господь, пройдет три, пять, пусть даже десять лет, но в книге появятся самые различные заметки иных авторов рисующие нашу жизнь, жизнь нашей молодежи в семидесятые годы прошлого столетия, повествующие о молодости, о нашей с вами молодости, дорогие друзья.

2. Предисловие – монолог, позаимствованный из разговора

В 1975 году в августе начали заселять только что построенное общежитие на проспекте Вернадского. Это сейчас ему дали название Дом студента на Вернадского. А тогда общежитие и было общежитие, у нас ему сразу же присвоили название «Крест», которое мгновенно переросло в «Кресты». Характерная форма здания сама просилась на язык. К первому сентября вышел номер многотиражки «МГУ», которая не могла не отметить появление новой общаги. Начиналась статья диалогом двух студентов:

– Какое красивое здание!

– Да, уж! Стекло! Бетон! Металл!

Этот вымышленный диалог навсегда отложился в памяти, потому что будущим жителям этого вычурного дома следовало с первого взгляда ужасаться предстоящим перипетиям в здании в условиях будущей московской зимы. И сегодня сразу же вспоминаются разговоры, что проект разработан для юга Франции, что климат на юге Франции несколько отличается от климата в Москве, что...

Короче, как всегда, хотели как лучше, а получили, как на юге Франции.

— Не хотел, как и ты, никаких обсуждений, но что-то ты зацепила во мне своими выпадами. И не возражай, и очень

хорошо. Имеешь полное право. Только у меня эта жизнь такая и есть, такая была и именно такой я ее вижу. Может быть это только для меня она поворачивается этой своей не самой лучшей стороной.

Я не знаю. Но смотри сама. Много я, конечно, в своей жизни накуролесил, много наделал ошибок, набедокурил очень много. Но не все ведь зависело только от меня. Что-то и сама жизнь со мной курочила, чем-то, очевидно, я расплачивался за старое или новое, а что-то может быть и авансом с меня брали.

Известно, что за все в жизни нужно платить, но ведь нигде не сказано, что платишь всегда за уже совершенное, по факту. Наверное, иногда берут и какую-то предоплату, платят авансом. А если потом недосвершил? Не успел на полную напроказничать, натворить? Обратное ведь никогда ничего никому не возвращают! А где искать того бухгалтера, который подсчитывает твой расчет?

Вот, вкратце, как было у меня.

В школе мы были заняты учебой и никаких выдающихся романов у нас не было. Это я говорю про наш класс. Не было свиданий, поцелуев и трагедий. Лишь только на Выпускном вечере, когда встречали солнечный рассвет мы начали целоваться

Девочка, с которой я встречал восход после выпускного, с которой первый раз по настоящему целовался, ушла из жизни лет двадцать назад. А с кого получить теперь все

то, что мы недоцеловали, недогуляли, ведь наверняка у нас за все это благополучно было высчитано, изъято в предыдущих классах.

Мои школьные друзья, друзья детства и юности растерялись на жизненных просторах. Хотя, если вдуматься, то более объективно было бы считать, что это я оторвался от своего класса слишком сильно, уехал очень далеко и заблудился, не смог найти обратной дороги.

Не смог найти почти никого даже в дебрях Интернета. Нашел только одного хорошего товарища, но он ушел из жизни лет пять-шесть назад почти сразу же после того, как мы обменялись письмами.

Две девушки, с которыми я встречался перед армией и которые клятвенно обещали не ждать солдата, нет, а просто писать письма, не написали ни одного письма.

Перед армией у меня был некоторый незначительный сексуальный опыт и некоторые личные отношения с особами противоположного пола, но в армии я вообще не получил ни одного письма ни от кого. Только из дома от родителей.

Девушка, которая мне очень нравилась перед армией, выскочила замуж еще до того, как я прослужил полгода и получил сержантские лычки.

Та женщина, которую любил больше жизни, которую люблю до сих пор, оставила меня, бросила. Не корю, не выговариваю, простая констатация. И ведь не скажешь, что не за что! Но пусть будет трижды за что, ведь вон той ма-

ленькой серенькой частичке, что трепещется где-то рядом с сердцем ни капли не легче. Как я тогда все пережил?

Очень странный вопрос. Точно так же, как живу теперь. Что-то затерлось временем, считается, что время вылечило, что-то забыто памятью, а что-то притерпелось и вошло в привычку. Так со всем этим дальше и живем.

Можно про это говорить, можно про это написать, но ты ведь опять скажешь эгоист и сам виноват.

Первая любовь, до армейская, чистая и нежная, погибла под электричкой в тридцать с небольшим.

Женился не по любви, но и не с бухты-барахты, мол потому, как время подошло. Нет! Начитался Льва Николаевича «Воскресение», «Мое Евангелие», «Как читать Евангелие и в чем его сущность?» и еще какие-то его труды. Очень сильно подействовал на меня Толстой и задался я мыслью своей жизнью что-то полезное для других сделать. И тут встретил я свою будущую жену. Не буду много распространяться, но я с ней был знаком ранее, жил на квартире у ее бабушки. Она тогда была молоденькой девушкой, красневшей от грубого слова, даже не всегда матерного. Но теперь прошло лет пять и увы! она превратилась в довольно разбитную женщину, если и не легкого поведения, то идущую к этому. Вот тогда-то я на ней и женился.

Шли семидесятые годы. Это был, наверное, как говорят нынешние демократы, разгар застоя. Только мы в те годы ничего не знали об этом и для нас бежали золотые годы нашей

юности.

Приближалась Московская олимпиада. Прилавки магазинов пустели, столицу пытались вычистить от неблагонадежных элементов, а в народе ходили самые невероятные слухи. И жизнь тряслась и менялась и было непонятно, что лучше. То что наступало или то что оставалось сзади.

Как удар колокола: ушел Высоцкий. И тихо, незаметно, словно шепотом: не стало Юрия Трифонова...

Появился Гамаюн Владимира Николаевича Орлова и другой Орлов с альтистом Даниловым открыл новую в нашей литературе страницу мистического реализма...

Вот такие были наши семидесятые – восьмидесятые годы.

И семейная жизнь, долги, извечная проблема где взять денег, а потом еще и учеба. Шесть лет подряд. Идешь, работаешь, как и положено восемь часов, затем на три часа от работы отрываешься и идешь на гранитные прииски, грызть гранит науки. А вслед за этим возвращаешься к своему «проводнику в люди», к родной заводской проходной и бежишь еще на три часа на рабочее место дорабатывать недостающие часы. Четырнадцать, а с дорогой пятнадцать часов в сутки, хорошо хоть не каждый день, но шесть лет, даже шесть с половиной...

И ничего, отгарабанил и эти шесть лет и получил красную книжку, то бишь красный диплом и сумел трижды отбиться от аспирантуры. И ведь объясняю: «Не моё!», – а мне говорят: «Справишься!».

Ну требуется заводскому начальству, чтобы шла на заводе, наряду с производством, и научная работа, чтобы возвращали здесь на члахых грядках свою ученую поросль, чтобы вскармливали своих молодых ученых. Лишь когда сказал я, что и в их работах я, в принципе, не вижу никаких научных достижений и предложил дальше не углублять тему, тогда все вопросы сами собой иссякли и потянулись серые будни.

Похоронил жену я лет двадцать с небольшим назад. Пусть без любви, какие изображают в разноцветных книжках, продающихся на железнодорожных вокзалах, с африканскими страстями и безумными поступками, но сколько-то лет мы с ней прожили. И жила она, как нормальная женщина, и другим запомнилась как хорошая мать и достойная жена.

Но ведь ушла же.

Значит и семейной жизни мне достался не полный комплект? Так где же компенсация, где тот пакет молока, который выдается за вредность нашей жизни?

И было у меня еще две жены, с которыми жили мы гражданским браком, как сейчас любят говорить. Но ни с одной жизнь не сложилась

И топтался я по жизни и ничего не натоптал. И про что еще писать?

Про работу? Так вот такая она и была. Утром вкальваешь с «непроспатыми» глазами. К вечеру готов на митинге выступить, призвать и повести!

В обед стакан, вечером еще два. Одно слово: «Стройка!» Одно слово: «Завод!» Рожденный строить, не пить не может! А мы все были строителями новой жизни, светлой и красивой!

Был у нас в бригаде слесарь, звали его «Вася – не рви цветы». Дали такое прозвище за поговорку, которую повторял он через фразу, как некое заклинание.

Однажды прихожу я на работу раньше всех. Это еще молодой я был и работал на стройке самой настоящей. И как-то случайно получилось. Незапланированная неожиданность. Переоделся и стою в бытовке возле окошка и наблюдаю нашу строительную действительность. А в противоположном углу бытовки этот самый Вася наводит на себя марафет и антураж дабы в совсем уже близком будущем влиться в стройные ряды строителей и свершателей. И вдруг слышу я, как между всех этих подготовительных шумов раздается весьма и самое характерное бульканье.

Мой взгляд делает произвольный круг по бытовке и останавливается на коллеге, который с тщательным вниманием и осторожностью, чтобы не испортить вкус и послевкусие напитка, готовит широко известный коктейль для утренней предрабочей встряски «Александр III». По классическому рецепту следовало малый флакон тройного одеколona тщательно смешать с флаконом одеколona «Саша», после чего добавить в напиток 25 капель сырой воды. Причем воду следует брать обязательно сырую комнатной темпера-

туры, а то вкус напитка будет безвозвратно потерян.

«Вася – не рви цветы» заметил, что его деятельность выплыла наружу:

– Что, с тобой поделиться?

– Да нет, Вася. Мне ни к чему.

– А я не могу! Меня ноги на объект не ведут без этой профилактики!

Вот такие дела.

Вот такая наша жизнь.

Именно такая она и была.

Перепробовал я работы всякие. И легкие, и тяжелые, и для рук, и для головы. Пока работаешь для удовольствия – удовольствие за работу и получаешь, и хотя в материальном плане не густо, но выходишь работать в любое время и домой ее берешь, и ночь за полночь от нее не уходишь.

Но как начинаешь получать за работу деньги – всё, шалишь браток. Лишь от и до! Да и эта норма очень скоро в тягость становится.

Про семейную жизнь?

А что в ней хорошего? Вот сейчас читают эту книгу пусть не несколько сотен, но уж несколько десятков человек, несколько десятков дам, женщин уже проживших на этом свете не один десяток лет

А вы представьте, что беседуем вдвоем один-на-один, «тет на тет», как говорила одна моя хорошо знакомая «штукатурщица».

– Ты прожила счастливо?

Да, тебя (без обид только) уже лет десять, если не больше, никто не целовал по настоящему. Не имею ввиду поцелуй внучонка.

И не говори, что тебе уже этого не надо.

Надо! Надо всем, в любом возрасте, а женщине особенно!

И любовь нужна, если только потом не с подоконника двенадцатого этажа...

Это жизнь

Просто у меня она такая, так вот сложилась или это я ее такой вижу.

У каждого иная. Но это только кажется.

У многих очень похожая. И специально я повторяю слова из молитвы Ангелу-хранителю:

«Не дай возможности (непусти) злему и коварному демону завладеть мной (подчинить себе) через угнетение, порабощение моего смертного тела (через мои страсти телесные).»

Вот такие дела. И не обижайтесь, пожалуйста...

3. Любовь и кое-что остальное

Какие предисловия могут быть, если говоришь о любви? Или она есть, или ее нет. Или ее нет, но зачем-то хотят сделать вид, что все-таки она есть.

Если когда-то земля была плоской и лежала на четырех слонах, то филфак в наше время твердо стоял на своих четырех опорах: ромгерме с его прожигающим, жалящим намертво и насквозь иностранным языком, русской филологии (чудище двуглавом с головой язык, и головой литература, и известны случаи, причем совсем не малочисленные, когда обескровленные студенты оставляли свой диплом в пасти первого чудища или в беспощадных когтях второго), классике с ее обманчивым сладкозвучием и ложной приторностью. Четвертым слонем, четвертой опорой была любовь. Да и как без любви мог бы обойтись организм, а филфак и был самостоятельным организмом внутри университета, существом, телом, состоящем на восемьдесят с лишним процентов из женщин. А какие женщины, где и когда обходились без любви?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.